

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А91

Художественное оформление Андрея Бондаренко

На переплете иллюстрация Юлии Гуковой (передняя сторона)
и фото автора ЕКАТЕРИНЫ ОЖИГАНОВОЙ (задняя сторона)

Аствацатуров, Андрей Алексеевич.

А91 Осень в карманах : роман в рассказах / Андрей Аствацатуров. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 221, [3] с. — (Интеллигент Аствацатуров).

ISBN 978-5-17-117278-7

“«Осень в карманах» начинается с анекдотов, продолжается веселыми рассказами, а заканчивается взрослой жизнью. Еще эта книга о любви. Посмотрите на меня: как этот человек может любить? Скорее, он может укунить микрофон, уронить что-то. Но здесь мой герой влюбляется. Я продолжаю шутить, но история уже драматическая” (Андрей Аствацатуров).

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-117278-7

© Аствацатуров А.А.
© Бондаренко А.Л., художественное оформление
© Ожиганова Е.А., фото
© ООО “Издательство АСТ”

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I КОМАРОВО

Джеффри и Снежанна (<i>вместо предисловия</i>)	9
.....	17

ЧАСТЬ II ВРЕМЕНА ГОДА

Первая любовь (<i>вместо предисловия</i>)	43
Осень в карманах	49
Весна. Дуэль в табакерке	90
Зима. <i>La belle aujourd'hui</i>	125
Лето. Последние панки в июне	194

ЧАСТЬ I

КОМАРОВО

ДЖЕФФРИ И СНЕЖАННА

(вместо предисловия)

Вчера я открыл свою электронную почту и обнаружил там письмо.

“Андрей, приветствую!

Мы с вами не знакомы, я не читал ваших книг, но наслышан. Предлагаю прочитать и испытать на прочность мой эротический роман, сочиненный на досуге. Роман называется «Знойный полдень». Хотелось бы услышать от вас мнение, и желательно побыстрее (ждать я не люблю). Также просьба поспособствовать скорейшей публикации романа в каком-нибудь хорошем издательстве — я знаю, что связи у вас есть.

Всего наилучшего, Иннокентий (г. Торжок)

P.S.: Я посылал аналогичное письмо Герману Садулаеву, но ответа так и не получил. У вас имеется его точный адрес?”

К сообщению был приложен файл, и довольно объемный. Я его тут же открыл и приступил к чтению, как было велено, ведь Иннокентий из города Торжок, судя по письму, ВСЁ про меня знает и ждать не любит. Прочитал несколько страниц. Наткнулся на фразу: “ДЖЕФФРИ РАЗДЕЛ СНЕЖАННУ ДО ТРУСОВ И НАЧАЛ РЬЯНО ЕЕ ТРАХАТЬ”.

А что? Мне показалось, что написано очень неплохо. Непонятно было только, почему писатель Садулаев ничего не ответил Иннокентию... Тут всё к месту, подумал я. И слово “рьяно”, бодрое, как коза. И трусы, которые загадочным образом так и остались на Снежанне. И потом — само имя героини, написанное через два “н”. Видимо, это для пушного эротизма.

Дальше в романе тоже было много интересного. Например, на следующей странице четыре раза встретилось выражение “влажная пещера” и два раза — “красноголовый рыцарь”. Я внезапно почувствовал, что роман “Знойный полдень” — очень интересный и, что существеннее, “атмосферный”, как выражаются в подобных случаях наши литературные критики. Но способствовать скорейшей публикации романа я не стал. Почему-то мне пришло в голову, что, кроме меня, этот текст никто не оценит.

Откуда Иннокентий про меня узнал — ума не приложу. Откуда вообще люди друг про друга узнают?

Вот только несколько дней назад я зашел в “Дом книги” воспользоваться бесплатным тубзалетом. “Дом книги” — так называется большой книжный магазин в центре Петербурга. Я зашел туда, увидел все эти роскошные обложки, альбомы, открытки,

и меня почему-то сразу же посетили мрачные мысли о том, что мир очень несовершенен и совсем не такой, как в этих книгах и на этих открытках. Сделалось грустно. Когда я вышел из туалетной кабинки, то увидел возле умывальника низкорослого мужчину средних лет с небритыми щеками. Выражение лица у него было детское и добродушно-пуцеглазое — я даже сначала подумал, что он американец. Мужчина повернулся ко мне и вдруг озарился улыбкой.

— Вы... это, извиняюсь, писатель, да?

Я молча принялся мыть руки. Разговаривать не хотелось.

— Это... сейчас... — наморщил лоб мужчина. — Вы этот... Ас... Ас... Ас...

Он беспомощно улыбнулся. Я закрыл кран и начал вытирать руки большим бумажным полотенцем.

— Фамилия ваша сложная, — застенчиво признался мужчина. — Ас... ас... ас?..

— Аствацатуров...

— Точно! — обрадовался мой собеседник. — Но... не читал! Извиняюсь! А что про вас надо знать?

Трудно сказать. Один восточный мудрец задал царскому вельможе вопрос: “Кто ты?” Вельможа ответил: “Я великий визирь”. — “Я тебя не спрашиваю, кем ты трудишься, я спрашиваю тебя, кто ты?” — “Ну, — задумался визирь, — я высокий, хорошо сложенный мужчина, с курчавой бородой, крепкими руками и...” — “Я не спрашиваю тебя, как ты выглядишь, — перебил мудрец, — я спрашиваю, кто ты?” — “Я верю: мир создал Аллах”. — “Я тебя не спрашиваю, во что ты веришь, я спрашиваю, кто ты?”

Не знаю, чем закончился этот разговор. Скорее всего, любопытному мудрецу попросту отрезали язык и прибили гвоздями к его собственной башке, чтобы болтал поменьше и не приставал к начальству. Начальство — оно ведь от Бога, оно на страже законов природы и не любит, когда к нему пристают по пустякам.

И кроме того, люди сами не в курсе, что про них нужно знать.

Только совсем недавно я побывал у стоматолога и наконец выяснил, что во мне самое главное. Дело было так. Два часа я просидел в кресле с открытым ртом. В какой-то момент в кабинет зашел приятель моего врача, зубной техник — наверное, по стоматологической надобности. Заодно заглянул и в мой распахнутый настезь рот. Чуть внимательнее пригляделся и вдруг восторженно произнес:

— Надо же! Какие интересные клыки!

— Что? — переспросил мой врач.

— Клыки, говорю, какие офигенные! Просто с ума сойти.

Я провел на этой земле уже чуть больше сорока пяти лет и, как всякий человек подобного возраста, чего-то даже добился. Приобрел сомнительную внешность, у которой, кажется, уже истекает срок годности, обзавелся женой и замечательными друзьями, опубликовал две книги легкомысленного содержания и три — очень серьезные, научные. У меня появились ученики, студенты и аспиранты. Но главное во мне, как оказалось, совсем другое — клыки.

Может, тут ничего сложного? И клык — это так, дань морковке? А сам я — просто обычный очковый интеллигент?

Вот, например, как-то раз приезжаю я из города к себе на дачу в поселке Комарово. Иду от станции своим обычным путем и заворачиваю на улицу Морскую. Раньше, во времена СССР, здесь располагались продуктовые ларьки. Потом их снесли, оставив прямоугольные проплешины голой земли. А совсем недавно тут провели газовые коммуникации и, чтобы их укрыть, соорудили небольшой домик из металлических листов, выкрашенных в густо-синий цвет. Вижу, на крыше домика стоит Гриша, местный разнорабочий, как всегда в окаменевшей от грязи спецовке. Руки — в карманах, во рту — незажженная сигарета. Он внимательно слушает седого мужчину в очках, одетого в модную кожаную куртку, — по всей видимости, инженера, который стоит внизу и отдает команды. У ног инженера лежит металлическая труба.

— Давай, Гриша, поразмышляем, — философски, растягивая слова, начинает инженер. Я подхожу ближе. — Как нам с тобой, — инженер пинает трубу, — эту елду на крыше закрепить?

Гриша почему-то меняется в лице и поспешно вынимает изо рта сигарету.

— Петрович! — говорит он смущенно, показывая сигаретой в мою сторону. — Ты бы, елки, это, не выражался... что ли... Тут, вишь, интеллигенция ходит.

— Здравсьте, — киваю я инженеру.

Конечно, со стороны людям всегда виднее, кто ты есть на самом деле. Но бывает так, что тебя с кем-нибудь путают.

Стоим мы с двоюродной сестрой Сашей в очереди за хлебом. Крошечный комаровский магазин. Продащица лет шестидесяти, ярко накрашенная,

монотонно щелкает кассой. Впереди нас два милиционера с резиновыми дубинками на поясах. Подходит Гриша, тот же самый разнорабочий. У него тяжелое похмельное лицо, покрытое недельной щетиной, очень сосредоточенное. Гриша сначала пересчитывает задубевшими пальцами мелочь, потом любовно оглядывает выстроившиеся на витрине бутылки с пивом. Узнав нас с сестрой, приветливо кивает и спрашивает:

— Крайние тут — вы?

— Мы, — кивает в ответ Саша и громко добавляет: — Но за нами бабушка занимала. Маленькая такая, в зеленом берете. Отошла на минутку... А, вон она!

Гриша и милиционеры, привлеченные ее голосом, зачем-то дружно поворачиваются туда, куда она показывает, — в сторону молочного отдела.

— Это не бабушка, — говорю я.

— Как не бабушка? — изумляется один из милиционеров.

— Так не бабушка. Это — петербургский композитор Олег Каравайчук.

Продавщица вдруг перестает щелкать кассой и резко поднимает голову.

— Правильно! — говорит сердито. — И между прочим, очень известный человек!

Вся очередь укоризненно смотрит на Сашу.

У нас в Комарове жили и живут многие известные люди, и поэтому тут поневоле задаешься самыми важными вопросами.

К нам с женой в дачную комнату залетел однажды огромный комар. Залетел, заметался по стенам, по потолку, затрещал крыльями.

— Я его боюсь! — закричала жена. — Убей его!

— Успокойся... — говорю. — Чего ты испугалась? Он же не кусается. Кусаются маленькие комары. А такие, как вот этот, большие, не кусаются.

Жена на секунду задумалась, а потом спросила очень серьезно:

— Тогда зачем живет такой комар? В чем его предназначение?

На этот вопрос я ответить не смог и сказал, что не знаю.

— Тогда гони его отсюда в шею! — рассердилась жена.

Наверное, женщинам не нравится, когда предназначение не выяснено и не очевидно. По крайней мере, я всегда могу взять в руки книгу и сказать, что я — просто читатель.